

СИСТЕМА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ

Н.А. ЛИЧАН

*Ярославский государственный
технический университет
Ярославский госуниверситет
им. П.Г. Демидова*

e-mail: dimnyar@mail.ru

Статья посвящена противоречиям в отношении сохранения памятников искусства и старины Советской России во второй половине 1930-х годов. Законодательными актами государственной власти культурное наследие было поставлено под охрану. Однако, несмотря на это, исторические памятники уничтожались. Силы специалистов были направлены на спасение ценнейших произведений искусства.

Ключевые слова: охрана памятников, культурное наследие, Советская власть, государственная политика, 1930-е годы.

За последние двадцать лет значительно возрос общественный интерес к сохранению культурного наследия. Среди специалистов и обывателей распространены представления о том, что развитие страны невозможно без опоры на историческое прошлое страны.

1930-е годы вошли в историю России как годы грандиозных строек и коренных преобразований в стране. В то же время это были годы, полные противоречий, оставившие немало трагических страниц в экономической, общественно-политической, духовной и культурной жизни страны. Одна из таких страниц связана с изучением системы охраны памятников.

Середина – вторая половина 1930-х годов характеризовалась резким усугублением идеологической тенденциозности в отношении к историческому и культурному наследию. Недооценка государством роли системы охраны памятников как важного фактора социального развития общества отрицательным образом повлияла на всю музейную, краеведческую и реставрационную работу. Этот период времени характеризуется также борьбой различных взглядов на историко-культурное наследие. Оформление командно-административной тоталитарной системы, подъем энтузиазма и инициативы людей, спровоцированной революционными лозунгами, – все это послужило мощным толчком для наступления на отечественную несоветскую культуру. Тем самым, набирала силу тенденция, направленная на свертывание работ по охране памятников, на снос старинных архитектурных строений и памятников, «идеологически вредных».

Против такого отношения к прошлому отчаянно боролись лишь энтузиасты, отстаивающие необходимость сохранения всех памятников и расширения реставрационных работ.

Существует мнение среди исследователей, что с середины 1930-х годов можно говорить об исчезновении органов охраны памятников, по крайней мере, на несколько лет. Но такой взгляд представляется некоторым преувеличением.

Так, с 1930 г. охрана и учет памятников осуществлялись сектором науки при Наркомпросе, продолжал действовать и Комитет по охране памятников при Президиуме ВЦИК¹. А в сентябре 1933 г. в составе Наркомпроса был восстановлен закрытый тремя годами ранее музейный отдел.

В сложной ситуации оказались местные органы – музеи. Но они не обладали ни материальными возможностями, ни юридическими правами для осуществления деятельности по охране культурного наследия, которые были на них возложены.

¹ Равикович Д.А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917-1967) // История СССР. 1967. № 7. С. 199.

Судьба памятников часто решалась в административных и хозяйственных органах, которые считали, что лучшей формой сохранения объектов будет их приспособление под «хозяйственные нужды социалистического строительства»². Так, например, на заседании Президиума Костромского горсовета решался вопрос «о расширении парка культуры и отдыха за счет сноса Соборной группы Костромского Кремля и о необходимости ходатайства перед Наркомпросом о снятии их с учета и охраны»³.

Реорганизация органов по охране памятников столкнулась с недостатком материальных средств, парализующих работу. Деньги в более или менее необходимом объеме выделялись только на некоторые объекты наиболее престижного характера. Существовали два фонда – государственный и местный. Например, на отдельно взятый памятник столицы из центрального бюджета могли выделить 50–60 тыс. руб. в год., в то время как местные органы в провинции могли выделить только 10 тыс. руб.⁴. Возможности местного финансирования были невелики.

С быстрым ходом закрытия церквей по городам и районам РСФСР непрерывно увеличивалось число памятников, переходящих в непосредственное ведение музейных органов. Однако увеличения ассигнований не было. Отпускавшиеся кредиты (2–6 тыс.) были явно недостаточны. Ряд памятников оказывался в положении, близком к катастрофическому. Так, на 1933 г. ярославский музей составил смету минимально необходимых ремонтных работ по памятникам высшей категории и двум памятникам I категории⁵. В то же время сумма кредитов на всю страну на 1933 г., которой мог распорядиться сектор науки, составляла 45 тыс. руб.⁶

Статьи в поддержку процесса сохранения культурного наследия появлялись на страницах в официальной прессы Советской России. Они содержали критику тех местных властей, которые допускали факты гибели памятников. Например, группа московских архитекторов после посещения церкви Иоанна Предтечи (XVII в.) в Ярославле написала в Книге отзывов о «варварском отношении к ценным фресковым росписям» этого храма⁷. Ярославские власти, отмечали архитекторы, «не смогли придумать ничего лучшего, как занять эти здания под склады»⁸. Данный критический отзыв опубликовала и областная газета «Северный рабочий»⁹. Значение памятников революции, истории, культуры, архитектуры и археологии, казалось, должно было возрасти. Было признано, что памятники способствуют познанию истории Родины, воспитанию трудящихся в духе преданности и любви к своему Отечеству¹⁰.

Проблема сохранения археологического наследия на местах крупнейших строек стояла также остро. Еще в 1932 г. Академия наук вела переговоры с Госпланом СССР о систематических археологических исследованиях. В том же году был создан специальный комитет, в состав которого вошли представители государственных учреждений, научно-исследовательских институтов, крупных музеев (Наркомпроса РСФСР, Межведомственного комитета, Коммунистической академии, Музея антропологии и этнографии, Эрмитажа, Государственного исторического музея, Русского музея). Под руководством академика Н.Я. Марра силами комитета осуществлялись научные экспедиции в районы крупных строек, выпускались плакаты и листовки.

В 1932–1937 гг. состоялись крупнейшие археологические экспедиции на места строек всесоюзного значения – Днепрогэса, Пермской ГЭС, канала Москва–Волга, Ярославской ГЭС, Беломорско-Балтийского канала и др. Обследованием памятников ар-

² Гапченко Л. В. Владимир Иванович Невский // История СССР. 1967. № 1.

³ ГАРФ. Ф. Р.-5263. Оп. 1 Д. 722. Л. 14.

⁴ ЦАГМ. Ф. Р.-1. Оп. 1. Л. 66 об. Д. 15. Л. 17.

⁵ ГАЯО. Ф. Р.-1400. Оп. 1. Д. 53. Л. 46, 65, 72, 83.

⁶ ЦМАМ. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 16. Л. 17 об.

⁷ ГАЯО. Ф. Р.-1400. Оп. 1. Д. 74. Л. 43; Д. 150. Оп. 1. Л. 95.

⁸ ГАЯО. Ф. Р.-1400. Оп. 1. Д. 96. Л. 22.

⁹ Северный рабочий. 1935. 20 апр. С. 3.

¹⁰ Цит. по: Равикович Д. А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР 1917–1967 гг. // История СССР. 1967. № 2. С. 79.

хитектуры и революционного движения занимались также экспедиции на строительстве Баксанской ГЭС (Кабардино-Балкария)¹¹, Байкало-Амурской магистрали¹². К работе экспедиций привлекались сотрудники местных музеев, краеведы. Успех экспедиций подкреплялся проводимыми в результате обследований бесед и экскурсий, лекций и выставок для рабочих, инженерно-технического персонала и местных жителей.

Несколько изданий в 1932-1935 гг. выдержала «Инструкция по учету и охране памятников материальной культуры на новостройках»¹³, рассчитанная на широкий круг читателей.

Исследование археологических памятников проводилось также при строительстве метро. Комиссия, в состав которой входили представители различных музеев, ЦГРМ, ГАИМК, выявляла и фиксировала археологические памятники. Непосредственно в строительстве метрополитена участвовали две бригады (археологическая и архивно-историческая) во главе с А.В. Арциховским и П.В. Сыгиным¹⁴.

Перед экспедициями ГАИМК были поставлены задачи выявления и фиксации не только археологических объектов, но и памятников других типологических групп. Так, археологическая экспедиция во главе с О.Н. Бадером, работавшая в 1933 г. на трассе канала Москва – Волга, имела в своем составе отряд для обследования памятников революционного движения и архитектурных объектов. Были сделаны обмеры, планы, фотоснимки здания, где помещалась типография большевиков, а также домовая церковь 1592 г., Оршина монастыря с собором XVI в., монастыря у села Савватьево с церковью 1679 г.¹⁵

Законодательно данные инициативы были подкреплены специальным постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об охране археологических памятников»¹⁶ от 10 февраля 1934 г., которое запрещало уничтожение и повреждение древних городищ, селищ, стоянок, курганов, могильников и т.п. На местах еще до этого нормативно-правового акта действовали подобные постановления местных органов власти. На основании постановления Ярославского облисполкома от 15 декабря 1932 г. «Об охране памятников искусства, революции, старины, быта и природы»¹⁷ всем местным советам и другим организациям запрещалось производить ремонт, реставрацию, слом и переделку памятников архитектуры, зарегистрированных в списках Наркомпроса РСФСР, а также всех зданий и сооружений, построенных до 1800 г. без письменного разрешения музейных органов. Виновные должны были привлекаться к уголовной ответственности.

В декабре 1934 г. была утверждена Наркомпросом и согласована с Наркомфином «Инструкция по охране исторических памятников и порядке управления ими»¹⁸. Лишь осенью 1935 года Президиум ВЦИК утвердил «списки памятников, состоящих на государственной охране». На этом двусмысленном фоне практики и теории вдохновенно трудились над «созданием национальной по форме и социалистической по содержанию архитектуры».

Примечательно, что такому развитию событий способствовали и факты восстановления исторических факультетов вузов, создание новых учебников по гражданской истории. Решение об этом было принято Политбюро ЦК ВКП (б) в марте 1934 г., закрепленное майским постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР 1934 г. – «О

¹¹ См.: Деген-Ковальский Б.Е. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 2. С. 11.

¹² См.: Балтенко К.Г. Работы на Байкало-Амурской магистрали // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 2. С. 80.

¹³ Инструкция по учету и охране памятников материальной культуры на новостройках // ГАИМК. Л., 1933. С. 10-16; 2-е изд. ГАИМК. Л., 1934. С. 3-9.

¹⁴ Полякова М. Охрана культурного наследия России: Учебное пособие для вузов. М., 2004. С. 155.

¹⁵ Там же.

¹⁶ СУ. 1934. № 9. Ст. 52.

¹⁷ ГАЯО. Ф. Р.-1400. Оп. 1. Д. 96. Л. 22.

¹⁸ В помощь работнику музея (законы, распоряжения, разъяснения по музейному строительству) / Сост. А.Б. Гиленсон. М., 1936.

преподавании истории в школе»¹⁹. Данные мероприятия были направлены против нигилистического отношения к национально-патриотическим традициям в условиях ухудшения международной обстановки.

В 1933-1935 гг. угроза военных нападений становилась вполне реальной. Ситуация потребовала определенных изменений на идеологическом фронте. Актуальным стало воспитание патриотизма, который еще недавно ассоциировался у многих с идеологией контрреволюции. Это, в свою очередь, потребовало обращения к истории. В постановлении жюри правительственной комиссии по учебникам для 3-4-х классов школы и в постановлении ЦК ВКП (б) 1938 г. критиковалось «непризнание прогрессивным фактом принятие христианства, неправильное освещение роли Александра Невского, отсутствие признания положительной роли Богдана Хмельницкого, преувеличение организованности крестьянских восстаний»²⁰. В постановлении 1938 г. подверглась критике и школа Покровского (сам он умер в 1932 г. еще в почете), «которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события»²¹.

Происходило возвращение к исторической тематике, ее реабилитация. Но после разгрома прежней философии и прежней историософии появлялась возможность заново интерпретировать факты, приспосабливая их для службы новой идеологии.

Изменение трактовок распространилось и на искусствоведческую, архитектуроведческую тематику. В газетных статьях писалось, что «великие художники прошлого принадлежат трудовому народу, унаследовавшему все культурные ценности предыдущих классов, и не в наших интересах держать эти ценности под спудом, распылять их и превращать в историческую ветошь, как пытаются это делать вульгарные социологи»²².

Признавалось, что борьбу за полноценную советскую архитектуру нельзя успешно вести, не будучи вооруженным огромным архитектурным опытом минувших эпох. Таким образом, публиковались материалы по истории архитектуры, рассматривались вопросы народной архитектуры ряда регионов.

Исследованиями состояния памятников архитектуры и археологии во второй половине 1930-х гг. продолжали активно заниматься Государственная академия истории материальной культуры, Академия архитектуры СССР, реставрационные мастерские Третьяковской галереи.

Следует отметить, что отношение к памятникам менялось не сразу. В печати второй половины 1930-х годов нередко отмечалось формальное отношение хозяйственников к своим обязанностям в отношении охраны памятников. Так, например, в Ярославле разборка памятников мотивировалась потребностью в кирпиче²³. Но теперь имелась возможность вести борьбу с этими нарушениями. Академия архитектуры СССР, обратившись к управлению строительством, спасла церковь Иоанна Предтечи (XVII в.) в Угличе, попавшую в зону строительства Угличской ГЭС. Была найдена возможность сохранить памятник²⁴. Важным было также и то, что периодическая печать, в частности, «Советский музей», издаваемый с 1930 г. стал публиковать материалы о состоянии памятников.

Но нельзя не отметить, что большой вред делу охраны памятников истории и культуры нанесла антирелигиозная кампания, в ходе которой на территориях прак-

¹⁹ КПСС о культуре, просвещении и науке. М., 1963. С. 369-370.

²⁰ Памятники архитектуры в Советском Союзе. Очерки истории архитектурной реставрации / Под ред. Е.Д. Кульчинской, К.В. Рыцарева, А.С. Щенкова. М., 2004. С. 13.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ ГАЯО. Ф. Р.-1400. Оп. 1. Д. 60. Л. 6; Иванов А. Охрана исторических памятников // Советский музей. 1936. № 6. С. 116.

²⁴ Иванов В. Задачи охраны памятников архитектуры // Русская архитектура. М., 1940. С. 131.

тически всех областей СССР полностью или частично была разрушена большая часть культовых зданий.

В 1936 г. был создан Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР²⁵. При комитете существовало Управление по охране памятников. Сформированные комитеты, носившие, как правило, временный характер и занимавшиеся небольшой группой памятников и музеев, не могли существенно повлиять на сложившуюся ситуацию.

Музейно-краеведческому отделу в регионах должны были подчиняться краевые и областные отделы народного образования. В 1935 г. пленум Междудементального комитета утвердил положение «О краевых и областных уполномоченных комитета и уполномоченных по городам Москве и Ленинграду»²⁶. Уполномоченные комитеты были обязаны на местах осуществлять надзор за эксплуатацией памятников, контролировать расходование денежных средств и пр.

Определенно, государственный контроль охраны культурного наследия, полностью утраченный к концу 1920-х, во второй половине 1930-х годы был временно восстановлен. Наблюдались попытки «реанимации» государственной охранительной системы первых послереволюционных лет. Но большого успеха эти попытки не имели. Междудементальный комитет, имевший в штате всего несколько постоянных сотрудников, был не в состоянии решить поставленные перед ним задачи. Музейный отдел Наркомпроса, рассматривая ограниченный объем проблем и имея мизерный штат, не играл сколь-нибудь значительной роли в деле охраны памятников. Деятельность региональных отделов народного образования была скована отсутствием средств, острой кадровой проблемой. Сфера охраны культурного наследия тех лет отличалась разобщенностью отдельных ведомств, крупных музеев и научных учреждений.

В 1937 г. государство вновь отпустило значительные средства на ремонт и реставрацию памятников архитектуры и древнерусской живописи. Это дало возможность возобновить ремонтно-реставрационные работы. Ремонт важнейших памятников архитектуры производился в Новгороде. Во Владимире готовился к реставрации (расчистка трещин, сводов, фиксация отклонений, археологические исследования и пр.) Дмитриевский собор – уникальный памятник архитектуры XII в. с богатейшей скульптурой, каменной резьбой, фресками, находившийся в неблагополучном состоянии. Ремонтировались также храм Покрова на Нерли (1165 г.) и памятники г. Боголюбова²⁷. В 1938 г. начались реставрационные работы в Троице-Сергиевой лавре²⁸; в 1939 г. – в Пскове²⁹ и т.д.

Обширные планы в области охраны памятников имел Музей Академии архитектуры СССР, который предполагал превратить в музеи-заповедники крупнейшие историко-архитектурные ансамбли, создать музей архитектуры под открытым небом, основанный на подлинных памятниках³⁰. Первый опыт такого музея предполагалось осуществить в с. Коломенском, куда еще в 1927 г. по инициативе П.Д. Барановского были перевезены памятники деревянного зодчества (башня Сумского острога и башня Николо-Карельского монастыря с берегов Белого моря, домик Петра I из Архангельска, медоварня, усадебные ворота). В 1938 г. в Академии архитектуры разрабатывалась планировка этого музея. На 1941 год для организации работ в Коломенском были выделены специальные средства³¹.

²⁵ СП СССР. 1936. № 10. Ст. 80.

²⁶ См.: Шорина Е.В. Партийно-государственный контроль – важное средство коммунистического строительства // Советское государство и право. 1963. № 5. С. 15.

²⁷ Алексеев Б. Ремонтно-реставрационные работы в Дмитриевском соборе во Владимире // Советский музей. 1937. № 9-10. С. 60-62.

²⁸ Фрам Э. Реставрация музея б. Троице-Сергиевой лавры // Известия. 1938. № 38 (9 февраля).

²⁹ Спегальский Ю. Памятники зодчества в Пскове // Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.-Л., 1948. С. 172.

³⁰ Иванов В.Н. Задачи охраны памятников архитектуры // Русская архитектура. М., 1940. С. 130; О работе музея архитектуры в 1940 г. // Сообщения музея архитектуры. Вып. 1. 1940. С. 2.

³¹ Антонова В.И. Древнерусская живопись в Государственной Третьяковской галерее // Антонова В.И., Мнева Н.Е. Каталог древнерусской живописи. Т. 1. 1963. С. 35.

С 1934 г. сохранением древнерусской живописи занималась реставрационная мастерская Третьяковской галереи, возглавляемая знатоком древнерусского искусства Ю.А. Олсуфьевым. В ней работали опытные мастера-реставраторы Е.А. Домбровская, И.И. Суслов, И.В. Овчинников, И.А. Баранов. Продолжая деятельность Центральных государственных реставрационных мастерских (закрытых в 1934 г.), мастерская совершила ряд экспедиций: во Владимир (завершение укрепления фресок круга Андрея Рублева в Успенском соборе, начатого ЦГРМ), в с. Боголюбово и Александровскую слободу (обследование фресок Покровской церкви XVI в.), в Новгород и его окрестности (открытие следов древних фресок в церкви Михаила Сковородского монастыря, раскрыв там отдельные композиции, фигуры и фрагменты, датированные концом XIV в.³²), а также в Псков, Ростов и другие города.

В июне 1939 г. музейно-краеведческий отдел Наркомпроса проверил состояние памятников архитектуры в Ярославской области и отметил следующие недостатки: реставрационные работы ведутся в Ярославле и не ведутся на объектах области; по вине арендаторов разрушаются многие храмы Ярославля XVII в.; в неудовлетворительном состоянии находятся такие памятники, как Ростовский кремль, Борисоглебский монастырь, торговые ряды в Ярославле и т.д. Наркомпрос потребовал от директоров музеев строго соблюдать постановление ВЦИК и Совнаркома РСФСР «Об охране исторических памятников» от 10 августа 1933 г.³³ и подчеркнул, что они будут нести уголовную ответственность за нарушение этого постановления.

Руководители местных органов власти, еще недавно руководившие разрушением памятников, теперь были объявлены «врагами народа». Газета «Правда» писала в 1938 г. по поводу разрушений на Бородинском поле: «...Люди... разорили его не по глупости, а сознательно. Враги народа знали, что своими преступными действиями они уничтожают государственные ценности, оскорбляют достоинство великого народа». «Враги народа» были репрессированы, хотя являлись всего лишь исполнителями приказов сверху.

Некоторое смягчение позиции по отношению к памятникам старины объясняется тем, что накануне приближавшейся войны советское руководство во главе с И.В. Сталиным начало постепенно поворачиваться лицом к русской истории и культуре. Тем самым они стремились поднять патриотизм народа и укрепить единство общества накануне военных потрясений. Культурно-историческое наследие помогало успешно решать эту политическую задачу.

Все вышеперечисленные факты подтверждают, что ситуация с охраной памятников старины во второй половине 1930-х годов была неоднозначной и противоречивой. Интересы политики выходили и в данном вопросе на первый план. Несмотря на нормативно-правовые акты, предусматривавшие сохранение культурного наследия, они привели в результате к массовым кампаниям, направленным на разрушение исторических памятников, утрате большого количества культурных ценностей. И только накануне войны этот процесс замедлился и сменился политикой более бережного отношения к культурному наследию прошлого.

Ситуация, сложившаяся в конце 1930-х годов по отношению к охране памятников искусства и старины снова включает их в прошлое, мифологизированную историю, формируя уже мифологию новейшей истории путем искусственного ускорения многовекового процесса изучения национальной культуры. Именно «создание национальных форм» было исходным в творческом методе, подобно тому, как происходило создание новых городов, индустриальных гигантов, а в искусстве – заказных жизнерадостных полотен, фильмов, песен и плакатов.

Двойственная политика по отношению к памятникам второй половины 1930-х годов в РСФСР – с одной стороны, уничтожение, с другой – реабилитация, необычай-

³² Кудрявцев Е.В. Об итогах экспедиций художников-реставраторов Государственной Третьяковской галереи на периферию в 1937 г. // Искусство. 1938. № 4. С. 202-210.

³³ СУ. 1933. № 44. Ст. 179.

но насыщена. И все же можно считать, что к концу десятилетия пик отрицательного отношения к памятникам был пройден. Им, или, во всяком случае, их части, нашлось место в новой системе идеологизированного искусства.

Однако отсутствие финансирования, косность, неповоротливость и разобщенность государственной памятникоохранительной системы, идеологическое ранжирование объектов старины – все это достаточно известные причины сложившейся ситуации, корень которых – культурная политика правительства – противоречивая, непоследовательная, декларативная, находящаяся под неуклонным контролем руководящей партии. Формально сняв себя ответственность за сохранность культурного наследия, правительство переложило ее на местные органы власти с их скудным бюджетом. Вместе с тем именно по их указаниям «в установленном порядке» разрушались, перестраивались усадьбы, особняки, взрывались храмы и монастыри – то, что не укладывалось в жесткие рамки политической доктрины. Разрушение системы охраны памятников привело к существенным культурным и историческим утратам.

Бурное промышленное развитие и колхозное строительство, реконструкция села 1930-х годов требовали усиления внимания к наследию, более тесных контактов государственных органов охраны памятников с различными хозяйственными, плановыми и проектными организациями, привлечения более широких кругов общест-венности. Результатом явился подготовленный в 1938 г. общий список российских памятников, который затем периодически корректировался.

В Советской стране акцент делался на политических предпосылках, определявших то или иное отношение к культурному наследию и, в частности, к памятникам архитектуры. Основательная «чистка» – расчистка памяти ее носителей, создание множества предпосылок для вытеснения истинных исторических фактов, в том числе путем размывания, обобщения или уничтожения деятелей, археологической подлинности – все это было важно для формирования государственной идеологии, оказывая влияние на отношение к наследию как обычных людей, так и специалистов в сфере охраны памятников культуры и искусства.

SYSTEM OF MONUMENT RESERVATION IN SOVIET RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 1930S

N.A. LICHAK

*Yaroslavl State
Technical University*

*Yaroslavl State
University n.a. P.G. Demidov*

e-mail: dimmyar@mail.ru

The article is devoted to the contradictions concerning conservation of antique and art monuments in Soviet Russia in the second half of the 1930s. Cultural heritage was put under protection by the rule of the legislative acts. However, in spite of this, monuments were destroyed. Efforts of the specialists were aimed at saving the most valuable works of art.

Key words: monument conservation, cultural heritage, Soviet Russia, Soviet Government policy, 1930s.